

— Юйюй. — Он тихо позвал его по имени. Этот давно забытый ласковый способ обращения заставил сердце Жуань Вэньюя дрогнуть, и слезы, которые он так отчаянно удерживал, невольно хлынули из глаз, тяжелыми каплями разбиваясь о тыльную сторону ладони.

Мо Цзиньхань наклеил ему на лоб пластырь от жара, затем обхватил ладонями его лицо и большими пальцами стер дорожки слез.

— Ты хоть знаешь, что каждый раз, когда ты мне отказываешь, у тебя на лице выражение, будто ты вот-вот расплачешься?

— Я не плачу, — Жуань Вэньюй, чей взгляд затуманился, небрежно смахнул влагу рукой. — Мне вовсе не грустно.

Мо Цзиньхань молча смотрел на него несколько секунд, и выражение его глаз смягчилось. Холод, обычно застывавший в его чертах, словно подернулся дымкой, уступая место смутной нежности. Как можно быть таким милым?

— Хорошо, ты не плачешь. — Мо Цзиньхань вытянул бумажную салфетку, сложил её пополам и приложил к его глазам, пряча от посторонних глаз ту хрупкость, которую тот так не хотел показывать. — Юйюй самый стойкий. — Пользуясь тем, что парень ничего не видит, Мо Цзиньхань дерзко скользнул взглядом по его покрасневшему кончику носа и обвел глазами родинку на щеке, глядя на него с нескрываемым собственническим интересом. — Это мне грустно, когда ты мне отказываешь.

Жуань Вэньюй, не осознавая опасности, закусил губу и ответил:

— Тебе не может быть грустно.

Мо Цзиньхань слегка ущипнул его за щеку:

— Не тебе решать, что я чувствую.

— ... — Фыркнул он.

В комнате воцарилась тишина. Спустя долгое время Жуань Вэньюй решил оправдаться:

— Я правда не плакал.

— М-м, конечно, — отозвался Мо Цзиньхань. — Это просто из-за плохого самочувствия слезы сами потекли.

Как заботливо с его стороны — он даже оправдание придумал за него. Жуань Вэньюй тихо хмыкнул, соглашаясь с такой версией. Когда эмоции окончательно улеглись, Мо Цзиньхань спросил:

— Мне продолжать о тебе заботиться?

Жуань Вэньюй чувствовал, что тот находится слишком близко. Его дыхание, которое он не мог видеть, переплеталось с дыханием другого человека, и казалось, что даже воздух в комнате стал горячим. Он поджал губы, не желая отвечать.

Мо Цзиньхань не отступал:

— Ну? Отвечай.

Жуань Вэньюй смущенно пробормотал:

— ...Вода уже закончилась.

Мо Цзиньхань тихо рассмеялся и наконец убрал салфетку, закрывавшую обзор. Ресницы Жуань Вэньюя все еще были влажными, уголки глаз покраснели, а невысохшие слезы, словно стеклянный купол, защищали его зрачки. Он походил на фарфоровую статуэтку из выставочной витрины — хрупкий и неповторимый, способный заставить любого потерять голову лишь одним взглядом.

Пальцы Мо Цзиньханя, лежавшие вдоль тела, дернулись, он слегка поскреб ногтем по подушечке пальца и в итоге не выдержал — протянул руку и погладил ту самую родинку. Он выглядел таким жалким. Как он мог всерьез думать, что, нахмурившись и надув губы, будет выглядеть неприступным?

Жуань Вэньюй стало щекотно и очень жарко. Он молча отодвинулся в сторону, избегая прикосновения, и сухо перевел тему:

— Я хочу спать.

— Спи.

Жуань Вэньюй натянул одеяло до подбородка, оставив снаружи только сонные глаза:

— Почему ты еще не на работе?

— Сегодня выходной.

— О... — Мозг Жуань Вэньюя соображал медленно. — Редкий выходной, почему ты не занят своими делами?

Его попытка выпроводить гостя была более чем очевидной: он сказал всё это лишь для того, чтобы Мо Цзиньхань поскорее ушел и перестал на него смотреть. Но Мо Цзиньхань, казалось, не уловил подтекста и с завидным терпением продолжал диалог, сидя на краю кровати.

— Я уже занят делами.

Жуань Вэньюй окинул его взглядом, но так и не понял, чем именно тот занят.

— Я правда собираюсь спать. — Жуань Вэньюй обнял одеяло и отвернулся.

— Спи, — повторил Мо Цзиньхань.

И как раз в тот момент, когда Жуань Вэньюй решил, что тот не уйдет и будет сидеть рядом до самого конца, он отчетливо почувствовал, как мужчина поднялся. Жуань Вэньюй тут же ощутил, что его противоречивость не поддается лечению. Только что он плакал у него на глазах, чувства еще не улеглись, ему было неловко, и он хотел, чтобы Мо Цзиньхань ушел и дал ему побыть в тишине. Но когда это действительно произошло, на душе стало пусто, обидно и даже немного грустно.

— Жуань Вэньюй. — Тот внезапно окликнул его по имени.

Жуань Вэньюй рассеянно отозвался:

— М-м?

— Когда я уйду, ты будешь тихонько плакать.

В этот миг Жуань Вэньюй почувствовал себя подопытным кроликом, выставленным на всеобщее обозрение, а Мо Цзиньхань — исследователем, который препарирует его и видит насквозь.

— Я... я не буду плакать!

— Правда?

— Конечно! Мне уже двадцать два года, я не маленький ребенок.

Двадцать два года — действительно, не маленький ребенок, но всё тот же Жуань Вэньюй. Тот самый, которого он вырастил, который умеет капризничать, такой жалкий и такой милый, не способный отказаться от сладостей.

Мо Цзиньхань приподнял уголки губ, наклонился и потрепал его по голове:

— Хорошо, взрослый человек двадцати двух лет, спи.

После чего он развернулся и вышел из комнаты. Как только дверь закрылась, Жуань Вэньюй

перевернулся на спину. Удивительно, но от этого простого жеста — поглаживания по голове — вся досада и обида испарились без следа.

Жуань Вэньюй закрыл глаза. Сегодня, кажется, не было дождя, и его это не раздражало. Лекарство от жара начало действовать, накатывала сонливость. Жуань Вэньюй медленно пододвинулся на то место, где только что лежал Мо Цзиньхань, и наконец, расслабившись, погрузился в сон.

Мо Цзиньхань вышел из спальни, где его почтительно ждал дядя У.

— Принести вам новое одеяло? — спросил дядя У.

Жуань Вэньюй получил травму, его обрабатывали лекарствами, и одеяло наверняка пропиталось их запахом. Мо Цзиньхань был крайне строг к вопросам гигиены: если кто-то заходил в прихожую, ковер там нужно было немедленно менять, чтобы не осталось ни пылинки, ни следа грязи. Входя в дом, нужно было мыть и дезинфицировать руки, верхнюю одежду оставлять на вешалке, откуда слуги забирали её в стирку, а затем вешали в гардеробную. За исключением особых случаев, вернувшись с улицы, он всегда принимал душ и переодевался, прежде чем войти в спальню. Гости носили одноразовые тапочки, вся использованная посуда подвергалась тщательной дезинфекции, а слуги в доме всегда ходили в бахилах и перчатках. В воздухе не должно было быть никаких посторонних запахов, в доме круглый год не должно было быть ни единого насекомого, а все предметы декора, картины и прочие вещи должны были содержаться в идеальной чистоте, без малейшего намека на пыль в щелях.

— Не нужно, — холодно распорядился Мо Цзиньхань. — Лестницу уберите заново и постелите ковер.

— Слушаюсь.

— Когда придет настройщик?

— Договорились на час дня, — ответил дядя У и добавил: — Нужно разбудить Сяо Юя?

— Не смейте его будить. — Мо Цзиньхань направился на цокольный этаж. — Я сам с ним поговорю.

Дядя У поклонился. Мо Цзиньхань спустился по винтовой лестнице, и вслед за ним загорелся свет. Яркие цвета картин на стенах коридора в игре света и тени придавали этому тихому пространству особую жизненную силу. Миновав коридор, он оказался в просторном полукруглом зале. В центре безмолвно стоял черный рояль, а изысканный узор на полу, словно защитный купол, очерчивал пространство вокруг него.

В остальном всё было выдержано в цвете слоновой кости, без лишних деталей. Помещение казалось пустым, но стоило загореться хрустальной люстре, как мягкие, похожие на водную рябь отблески света упали на пол, стены и рояль. В тот же миг пространство наполнилось переливами красок, и каждая деталь в этом огромном зале сложилась в роскошный визуальный пир.

Этот цокольный этаж был подарком Мо Цзиньхана на восемнадцатилетие Жуань Вэньюя.

<http://bllate.org/book/20910/2114586>